

Юй Сингэ проснулся от ярких солнечных лучей. Умывшись и наскоро переодевшись, он сразу спустился вниз.

Эта улица прилегала к самому центру Южного района. Ночью здесь вовсю полыхали вывески баров и кипела жизнь, но днем все затихало. В белесом мареве раннего утра редкие прохожие никуда не спешили: старики неторопливо занимались тайцзи, а на каменных столах у дороги остывал свежесваренный чай.

Неподалеку была лавка, где готовили отличные паровые баоцзы. Когда Сингэ протягивал хозяину купюру, рядом негромко переговаривались мужчины из местной строительной бригады. Хозяин протянул ему заказ, завернутый в плотную газетную бумагу, на которой слегка размазалась черная типографская краска.

Людей в этот час почти не было. Заметив, что парень заходит к нему уже недели две, торговец принялся протирать столешницу и завязал разговор. Узнав, что этот опрятный, вежливый юноша только недавно приехал в Цичэн, старик удивленно на него посмотрел. Вода в котле как раз закипала, и он под шумок принялся ворчать, что в последние годы дела в городе идут из рук вон плохо. Все его знакомые давно перебрались в Столицу — а тут вечно суета, копот, и что хорошего здесь держит людей, ума не приложить. Сингэ вежливо поддакивал, так и не решившись признаться, что сам-то он сбежал именно из Столицы.

Попрощавшись с хозяином лавки, Юй Сингэ заглянул на рынок за продуктами, а на обратном пути сделал круг по парку — просто чтобы подставить лицо утреннему солнцу. Лишь после этого он поднялся к себе. Булочек он взял на двоих, так что одну порцию без лишних раздумий повесил на ручку балконной двери Чэн Цзие. Правда, сосед, похоже, поднялся еще раньше: когда Сингэ уходил, того уже не было дома, да и к его возвращению хозяин квартиры так и не появился.

Вернувшись в комнату, Юй Сингэ вытянул ноги, задумчиво прикусил кончик карандаша и принялся что-то набрасывать на чистом листе бумаги. Недавний букет роз мирно стоял в стеклянной вазе. Утренний свет, пробивавшийся сквозь окно, мягко очерчивал лепестки цветов и силуэт юноши. Время медленно утекало, отмеряемое песчинками в комнатных часах.

Едва вернувшись домой, Чэн Цзие заметил пакет на ручке балконной двери. Перебраться на его сторону мог только их гитарист. Цзие с легким недоумением посмотрел на завернутый завтрак.

«Надо же, какое совпадение»

Впрочем, на углу все равно работала лишь одна лавка. С пакетом в руках он подошел к соседской двери и постучал по стеклу.

Гитарист, увлеченно строчивший что-то на бумаге, стука не услышал. Он продолжал самозабвенно грызть карандаш, и Цзие терпеливо постучал снова.

На этот раз Юй Сингэ вскинул голову. Грифель замер на листе. Завидев гостя, юноша просиял. Он мгновенно вскочил и, шлепая домашними тапочками, бросился открывать дверь.

— Твоя работа? — спросил Чэн Цзие, приподняв пакет.

— Моя, — улыбнулся Сингэ, распахивая дверь шире и пропуская его внутрь.

Цзие на мгновение замялся. Вообще-то он и сам уже успел перекусить по дороге и теперь просто не знал, куда девать лишнее. Но, встретившись взглядом с чистыми, сияющими глазами Сингэ, промолчал. Отказываться от заботы не хотелось.

— Тебя не было, вот я и решил оставить на двери, — пояснил Сингэ.

— С утра занимался с детьми, — ответил Цзие.

Помимо работы в группе, он подрабатывал уроками музыки, поэтому выходные у него обычно выдавались напряженными. Зайдя следом за хозяином в комнату, он лениво окинул ее взглядом, хотя за этой показной расслабленностью скрывалась привычная цепкость. Букет роз по-прежнему стоял на самом видном месте. На секунду задержав на нем взор, Цзие тут же отвел глаза.

— Точно! — спохватился Сингэ и потянулся к исписанному листу. — Я тут набросал кое-что. Братец, у тебя есть минутка?

Юноша уселся прямо на пол, скрестив ноги, и запрокинул голову. На его лице играла безмятежная улыбка. Воротник свободной рубашки слегка разошелся, обнажая изящную шею. Солнечный луч ласкал белую кожу, придавая ей теплое, матовое свечение — словно у чисто вымытого спелого яблока.

Цзие смолчал.

— Братец? — Сингэ удивленно помахал ладонью перед его лицом.

Очнувшись, Цзие поспешно отвел взгляд и взял протянутый черновик.

«На что я вообще уставился?»

Его пальцы непроизвольно сжали плотную бумагу сильнее, а на лице на миг промелькнуло раздражение на самого себя.

Впрочем, внешне он остался совершенно спокоен. По его невозмутимому виду невозможно

было догадаться о буре, бушевавшей в душе. Сидящий на полу юноша смотрел на него с таким искренним доверием, что Цзие вдруг почувствовал укол необъяснимой неловкости. Пытаясь отвлечься, он перевернул страницу.

На первых листах виднелись лишь разрозненные нотные наброски, но дальше проступала четкая структура будущей песни. Гармония, переходы, деление на куплеты и припев — все было проработано до мелочей. Листы пестрели пометками и исправлениями. По мере чтения профессиональный интерес вытеснил лишние мысли, и Цзие окончательно успокоился. Дочитав до конца, он удивленно приподнял бровь.

— Отличная вещь, — искренне похвалил он. — Что именно тебя смущает?

К музыке он всегда относился со всей серьезностью, поэтому без лишних слов опустился на пол рядом с гитаристом. От его прежней расслабленности не осталось и следа. Сосредоточенный, строгий профиль, уверенные пальцы, сжимающие бумагу, — сейчас он был погружен в работу целиком. Вот только от сидевшего рядом парня исходило приятное тепло, пахнущее нагретой солнцем одеждой. Этот едва уловимый аромат мешал сосредоточиться, и Цзие незаметно отодвинулся на пару сантиметров.

Сингэ, конечно же, ничего не заметил. Он панибратски закинул руку на плечо Цзие и, ткнув пальцем в одну из строчек, принялся сыпать вопросами. Цзие терпеливо отвечал, хотя в душе отчаянно желал, чтобы этот излишне дружелюбный тип поскорее убрал руку. То ли солнце сквозь балконное стекло припекало слишком сильно, то ли дело было в чем-то другом, но лицо Цзие обдало легким жаром. Он тут же напустил на себя еще более суровый вид, скрывая проступивший румянец.

Сингэ покосился на него и незаметно усмехнулся. Вопросы, которые он задавал, охватывали самые разные нюансы, но для опытного музыканта не представляли сложности. Цзие подробно разбирал каждый момент, а вдохновленный его подсказками гитарист тут же принимался что-то лихорадочно дописывать в черновике.

Однако наставник, в отличие от ученика, сосредоточиться никак не мог. Цзие изо всех сил подавлял желание скинуть чужую руку со своего плеча, но упрямый, теплый аромат солнца упорно лез в нос, отвлекая от дела.

Закусив колпачок ручки, Сингэ потянулся свободной рукой к макушке, и его кудрявые пряди случайно переплелись со слегка растрепанными волосами Цзие. Юноша наклонился ближе, его горячее дыхание коснулось щеки старшего.

— Сядь нормально, — глухо произнес Цзие.

Кудрявый гитарист удивленно моргнул и послушно убрал руку. В его карих глазах отразилось искреннее недоумение.

— Ой, прости, — пробормотал он, явно не понимая, что сделал не так.

Цзие мысленно отчитал себя за излишнюю мнительность. Чтобы разрядить обстановку, он потянулся и мягко забрал у парня ручку.

— И не грызи колпачок. Вредная привычка.

Сказано это было самым будничным тоном, без тени упрёка. Неловкий момент остался позади.

— Это я случайно, — оправдался Сингэ.

Цзие вернул ему ручку. Юноша действительно больше не тянул ее в рот, полностью сосредоточившись на нотах.

Поправив растрепавшиеся волосы, Цзие молча наблюдал за его работой, время от времени подбирая рождающиеся созвучия на гитаре. Солнечный свет, приглушенный плотными занавесками, мягко ложился на пол. В тишине комнаты раздавался лишь тихий шорох бумаги и перебор струн — чистый, гармоничный и успокаивающий.

Незаметно подкрался полдень. Довести песню до ума они не успели — пришло время обеда. Отложив наконец исписанные листы, Сингэ воодушевленно предложил:

— Давай пообедаем у меня!

Цзие для приличия поколебался, но, видя искренний энтузиазм приятеля, кивнул в знак согласия.

Пока Сингэ суетился на кухне, Цзие снова взял в руки черновик. Мелодия выходила по-настоящему красивой, не хватало только текста. У парня определенно был редкий талант. Цзие перевел взгляд на кухню: залитый солнечным светом юноша что-то весело напевал под нос. От него веяло удивительной легкостью и чистотой. Наверняка в студенческие годы он был душой любой компании.

Сам Цзие закончил учебу несколько лет назад, и воспоминания о тех днях уже подернулись дымкой. Но рядом с Сингэ это забытое ощущение беззаботной юности оживало вновь. Чистое, светлое.

Он рассеянно положил листы обратно на столик. Тень от стоящих в вазе роз легла на исписанную бумагу. Цзие не думая протянул руку и слегка потянул к себе один из цветков.

Его длинные пальцы коснулись стебля, и кожу мгновенно уколол крошечный, почти прозрачный шип. Цзие поморщился и присмотрелся. Розы были великолепны: несмотря на то,

что они простояли в воде уже прилично времени, лепестки оставались яркими и свежими. Но в глубине, среди густой листвы, что-то белело.

Заинтересовавшись, он запустил пальцы в букет и достал небольшую открытку. Спрятана она была не то чтобы надежно — скорее всего, Сингэ просто ее не заметил. Карточка в тон лепесткам содержала короткую надпись. Размашистым, слегка небрежным почерком на ней были набросаны строки из любовной лирики Джона Китса. Решив, что букет подарила какая-нибудь юная поклонница, Цзие без особого интереса перевернул картонку.

На обороте красовалась подпись — два размашистых иероглифа: Шэнь Чжи.

Написаны они были вызывающе красиво, даже некоторая сдержанность штрихов не могла скрыть сквозящего в них высокомерия. Пальцы Цзие замерли.

Он прекрасно знал, кто это такой. Шэнь Чжи был известным на весь переулок Наньпин повесой и богатым бездельником. Наглый и беспринципный, он вечно охотился за смазливymi личиками, не брезгуя самыми грязными методами. Его то и дело задерживала полиция за пьяные дебоши, но благодаря связям влиятельной семейки он каждый раз выходил сухим из воды. А главное — этот ублюдок предпочитал парней.

Теперь намерения отправителя, решившего передать букет через чужие руки, стали предельно ясны.

Цзие нахмурился. Еще раз взглянув на нежные строки Китса, он мысленно обозвал дарителя дешевым позером. Любовная поэзия плохо вязалась с образом мерзавца, чьи грязные постельные забавы уже не раз приводили к трагедиям. Недолго думая, он хладнокровно сложил открытку пополам и швырнул ее в мусорную корзину.

Шэнь Чжи положил глаз на их наивного гитариста, который только-только сошел со студенческой скамьи, и это не предвещало ничего хорошего. Лучше избавиться от карточки сейчас, пока Сингэ ничего не заметил. Пусть и дальше думает, что цветы подарила милая девчушка.

Пока Цзие задумчиво разглядывал мусорное ведро, с кухни донесся испуганный возглас. Юй Сингэ пулей вылетел в коридор и замер у косяка.

Цзие поднялся, собираясь выяснить, что стряслось, но юноша замахал руками:

— Нет-нет-нет, не ходи туда! Я сам все улажу!

Цзие лишь молча обошел его и заглянул на кухню.

Картина предстала классическая: кухня едва не взлетела на воздух.

Точнее, все обошлось без взрывов, но сковорода на плите полыхала ярким пламенем, а по помещению вовсю расползался едкий дым. Цзие перевел взгляд на смущенного гитариста и тяжело вздохнул:

— Отойди. Я сам.

Спасательная операция Чэн Цзие увенчалась полным успехом: уже через полчаса на столе исходил паром великолепный обед.

Сингэ без умолку твердил, что это была нелепая случайность и обычно он готовит сносно. Цзие лишь беззлобно поддакивал. Глядя на то, как кудрявая макушка уныло поникла, он улыбнулся и положил товарищу в тарелку сочный кусочек мяса.

«Хорошо, что я умею готовить»

<http://bllate.org/book/18241/1759445>